Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Посвящение

Уже месяц, как закончилась война. Наш полк стоял в Кенигсберге и нес в основном охранно-караульную службу. Была обычная суббота, и для нас, как и всегда, была подготовлена полковая баня. Весь свободный состав роты, включая меня, пятнадцатилетнего сына полка, дождавшись своей смены, ввалился в раздевалку, расхватал немногочисленную помывочную утварь и предался нехитрому солдатскому удовольствию. Находясь в окружении сильных молодых обнаженных тел, я всегда терялся, стеснялся, чувствовал необъяснимое волнение, которое отзывалось в моем полудетском организме напряжением всех членов, так что мне приходилось стыдливо прикрываться то мочалкой, то тазиком и как можно быстрее заканчивать мытье.

Так было и в этот раз. Выскочив в раздевалку, я быстро вытерся и нацепил трусы и майку, пока никто не стал свидетелем моего неоправданного возбуждения. Пользуясь тем, что помещение роты находилось в двух шагах от бани, я не стал надевать форму, а только сунул ноги в сапоги и, бросив остатки одежды в мешок, побежал в казарму. Тут-то все и произошло.

То ли сапоги были мокрыми, то ли я быстро бежал, но когда я сбегал по дощатому настилу, перекинутому с одного берега канавы на другой, ноги мои соскользнули, и я проехался спиной и, в основном, задом по не струганным доскам. Боль от десятка заноз и ссадин заставила меня заорать, но так как сам себе я помочь ничем не мог, то пришлось идти в санчасть.

Семеныч, наш хирург, добрый и заботливый, обычно покровительствующий мне во всем, на этот раз был сильно занят. Быстро осмотрев меня, он бросил: «Надька справится» и отправил меня к медсестре в перевязочную. Я остолбенел. Представив себе процедуру лечения у молоденькой (двадцати пяти лет) медсестры Надьки, я ужаснулся. Меня ж потом засмеет вся рота. — Семеныч, миленький, лучше давай я подожду, мне не к спеху, — канючил я, все больше понимая, что Семенычу не до меня, и от Надьки мне не отвертеться.

Бесполезно прождав час, я, как на Голгофу, поплелся в перевязочную, в надежде, что Надька куда-нибудь умотала. Но она была на месте. Я нехотя поведал о своей беде. Ее заливистый смех настроения мне не прибавил. С трудом она уложила меня на топчан. — Будь что будет, решил я, стиснув зубы, и отвернулся к стене, закрыв глаза. — Сейчас, миленький, все сделаем, в один момент. Все колючечки вынем у нашего ежика, шептала она, задирая мне майку и стаскивая трусы. Стыд настолько меня захлестнул, что боли я не испытывал, и только напряженно вдавливался в топчан. Однако постепенно я стал ощущать ее легкие ласковые прикосновения, поглаживания. А когда она перешла к обработке нижней части таза, я даже почуствовал известное удовольствие, расслабился. Правда по моим ощущениям все должно было уже давно закончиться, но она продолжала возиться, гладить, и вдруг несколько раз быстро поцеловала в пострадавшее место. Я не знал, как реагировать, ошарашенно молчал, и вдруг, к своему ужасу, почуствовал, что предательское напряжение овладевает мной все больше. — Господи, как же я встану? Я сомкнул ягодицы и еще сильнее вжался в топчан. А она продолжала гладить и целовать, что-то шепча. Потом стала переворачивать меня на спину со словами: — Где там еще одна иголочка? Я упирался как мог, осознавая, что от этой борьбы мое возбуждение только возрастает, и что уж теперь-то переворачиваться никак нельзя, но все меньше оставалось сил и желания сопротивляться. И вот я предстал во всей

своей бесстыдной красе, но не посмел открыть глаза и все пытался прикрыться руками. — А ты у нас уже большой, шептала она. И раздвигая мои руки, целовала и ласкала все сильнее и сильнее. И вдруг меня как ошпарило влажным теплом ее рта. Ощущение было такое, что моя плоть увеличилась многократно и сейчас лопнет от напряжения. Я забыл свой недавний стыд, раскрыл глаза и, словно обезумев, схватил ее голову и конвульсивно входил и входил в нее, пока сладостная судорога не сковала мое тело, и я затрепетал, подавленный силой неиспытанного до сих пор счастья.

Я лежал, опустошенный и растерянный, не понимающий, что же я наделал и как теперь буду смотреть Надьке в глаза. — Ну, вот и молодец, шептала она. Вот мы уже и здоровы. Она марлей тихонько и нежно вытирала мою плоть. Целовала и опять вытирала. Мне стало хорошо и покойно. Я весь отдался ее ласке. Уже ничего не хотелось, только бы это продолжалось всю жизнь. Как током били скользящие движения ее руки, и я подавался навстречу этим движениям, вбирая тепло руки и все более заполняя ее своей плотью. Мои движения приобрели ритм, дыхание прерывалось. — Сейчас, миленький, сейчас, исступленно шептала она. Взобравшись на меня, она стиснула меня ногами, и вдруг я опять провалился в нежную теплоту ее тела. Она податливо обволакивала меня то с большей, то с меньшей силой в такт моим движениям. Уже все забыв, я вошел в бешеный ритм и все рвался вверх, как будто старался достигнуть неземных пределов. Вцепившись мне в плечи, Надька стонала все сильнее: — Еще, еще.

И я вонзался в сладкую податливость ее тела навстречу все более жарким порывам. Меня захлестывала нежность и я тоже что-то кричал, и вдруг чужой конвульсивный жар охватил мою и без того раскаленную плоть, и я в судорогах слился с ним, гася потоками любви и нежности...

Прошли годы, и я стал красивым и сильным, и обладал многими любимыми и просто красивыми женщинами, но тот первый раз с медсестрой Надькой навсегда был окрашен ореолом сказочного приобщения к чарующему таинству взрослой жизни.